

18+

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МЕРССИР

Сахарный отряд

Владимир Мерссир

Сахарный отряд

<https://litres.ru/74281943>

ISBN 9785007072557

Аннотация

«Все изложенные в произведении события являются плодом воображения автора. Любое их совпадение с реальными местами, людьми, организациями — абсолютно случайно».

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава №1	5
Через забор	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сахарный отряд

Владимир

Владимирович Мерссир

Дизайнер обложки Владимир Владимирович Мерссир

© Владимир Владимирович Мерссир, 2026

© Владимир Владимирович Мерссир, дизайн обложки,
2026

ISBN 978-5-0070-7255-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава №1

Через забор

Стоял жаркий летний день, и звезда сияла так ярко, будто возмещала обиду за две недели сплошного небесного потопа. Говорят, сам Бог плодородия тогда слишком усердно молился о щедрых урожаях — и перестарался: дождь лил не переставая, так что даже самые стойкие огородники начали подозревать, что божественный энтузиазм слегка вышел из-под контроля.

Но вчера вечером ливень наконец стих, и теперь духота поднималась от почвы вместе с паром, словно сама природа пыталась высушить себя феном исполинских масштабов. И стоило людям ощутить этот густой, тяжёлый зной, По всему острову — и по большому, что тянулся тёмной области спиной сквозь туман, и по малым, будто осколкам разбитой чаши, — огородники набросились на сорняки, как на инопланетных захватчиков.

На Большом острове это выглядело почти как военная операция: шеренги в резиновых сапогах и с тяпками наступали на заросли крапивы, словно на вражеские окопы. Старики командовали, как ветераны давних кампаний: «Не давай им ни пяди суши! Они только и ждут, чтобы пустить

корни глубже!» Молодёжь действовала с лихорадочной поспешностью, будто боялась, что сорняки вот-вот отрастят щупальца и начнут отстреливаться семенами.

Как воинственно народ в этой стране любил свои огорды — словно это были не грядки, а рубежи родной почвы, которые нельзя сдавать ни на пядь. Сорнякам не оставляли ни малейшей надежды завоевать хоть квадратный сантиметр почвы: тяпка здесь поднималась не просто как орудие труда, а как символ верности роду и долгу.

Огород передавался из поколения в поколение — не столько как радость, сколько как тяжесть, как незримый груз предыдущих жизней и грехов родни. Это было наследие, от которого не отказывались, даже если оно тяготило: принять его значило признать себя частью длинной цепи, где каждый держал свой участок, чтобы вся цепь не порвалась.

Для двух соседей один забор объединял их жизни уже поколениями. Через него были перенесены тонны слов и поступков: тихие утренние переключки, споры о том, когда сажать капусту, упрёки за тень от яблони, что падала на чужую грядку, и примирения с банкой солёных огурцов в руках. Через этот забор сменялись целые поколения домочадцев, менялись дома, крыши, заборы — а сам уклад оставался неизменным. Мир в этом уголке менялся, но огород продолжал диктовать свой ритм.

И сорняки были той самой странной стабильностью, что

скрепляла привычный порядок. Сколько бы соседи ни зарекались, что в следующем году больше ничего сажать не будут, что хватит с них этой вечной борьбы, — с каждой новой весной через ворота снова вносили рассаду: помидоры, огурцы, конечно же, капусту. Будто сама земля шептала: «Ты можешь устать, можешь злиться, можешь клясться, что это в последний раз... но ты всё равно вернёшься».

И они возвращались. Потому что огород был не просто почвы — он был памятью, долгом и тихой гордостью, которую не объяснишь словами, но чувствуешь каждой мозолью на ладонях.

Нас сосед Михалыч, человек очень хитрый и от его хитрости уже натерлось лысина, и он поучавствовал во внигих перделках, особенно когда смог все таки найти Сахар партий.

Михалыч сидел на своей скрипучей лавке у зелёного дома и хитро шурился на утреннее солнце. Лысина его, натертая годами изворотливости и участия во всевозможных перделках, поблескивала, будто полированный камень. А ведь ещё недавно он сам ворчал, что не понимает, что творится с этим «сахаром в крови», да только никто ему не верил — пока не случилось чудо.

Волосы на голове у Михалыча стали расти так уверенно, будто сама природа решила исправить давнюю несправедливость. Да и мускулатура обновилась — плечи снова налились силой, спина выпрямилась. Теперь мужики в деревне только

и делали, что подходили к нему, неловко переминаясь с ноги на ногу, и просили: «Михалыч, ну отсыпь хоть щепотку твоего сахара... ну хоть чуть-чуть!» А он только усмехался, качал головой и отвечал твёрдо:

— Нельзя это, братцы. Сахар Партии — не для баловства. Раскидываться им — архипреступно.

И правда, к этому сахару у него было отношение почти священное: не просто продукт, а нечто большее, почти талисман, который нельзя отдавать в чужие руки.

Пока народ толпился у калитки с просьбами, Михалыч смотрел, как набирают силу пионы у крыльца — лепестки ещё туго скручены, но уже видно, что скоро они раскроются во всю свою пышную красу. И тут из соседнего двора вышел Макар. Опять с пяти утра на ногах, опять за делом. Почва после недавних дождей всё ещё была влажной, тяжёлой, липла к сапогам, но Макару это было нипочём. Ловко орудуя тяпкой, он окучивал картошку с таким упорством, будто это была не обычная прополка, а важнейшая миссия.

Михалыч тихонько покачал головой. У него-то огород был небольшой — так, в самый раз для зелени, помидоров, огурцов да капусты. А картошку он давно не сажал: не видел в том смысла. «У каждого своя война с почвой, — думал он, поглядывая на Макара. — У него — с картофельными грядами, у меня — с чужими просьбами и с собственной хитростью, которая, бывает, и самому мешает».

Михалыч подошёл к забору, что разделял их дворы, и

встал, слегка наклонив голову, будто прикидывая, не пролезть ли сквозь щель между досками. Забор этот столько лет стоял, что уже сам по себе был не просто оградой, а летописью соседства: тут доска прибита в спешке после ссоры, там — в знак примирения, а вон тот гвоздь вообще вбивали втроём, когда ураган чуть не унёс весь огород.

По ту сторону, у картофельных гряд, как раз и орудовал Макар — мужчина широкой груди и такой хватки, что, если уж схватит, мало не покажется. С возрастом волосы у него начали виться упрямыми кудрями, и он просто зачёсывал их назад — и да, женщинам это очень нравилось. Да и сам Макар был из тех, кого называют «мужчина на все руки»: и крышу починит, и печь сложит, и в трудный час плечо подставит.

Михалыч постоял, посмотрел на Макара долгим взглядом — не то оценивающим, не то просто по-соседски внимательным, — а потом негромко, но так, чтобы точно услышали, бросил:

— Слышь, Макар, ты корову не терял?

И тут же хитро улыбнулся, будто сам знал ответ заранее.

В ответ ему через забор прилетел комок влажной почвы — лёгкий, не злой, скорее шуточный. Пролетел мимо, шлёпнулся у ног Михалыча, и тот только хмыкнул, не сводя глаз с Макара.

Макар выпрямился, оперся на черенок тяпки, прищурился:

— Чего тебе, Михалыч? Опять какую-то байку принёс?

— Да не байку, — отмахнулся Михалыч, продолжая улыбаться. — Тут корова новая объявилась, Дашкой зовут. Вымя — во! Ты же таких любишь, от них вон какое молоко. Я сперва подумал, может, твоя сбежала, да потом вспомнил: ты к Людке ходил... Хотя какая разница, вымя-то одинаковое.

Макар фыркнул, покачал головой, но в глазах мелькнула усмешка — не злая, привычная, будто они всю жизнь только и делали, что подначивали друг друга по утрам.

— Ты, Михалыч, хоть бы для приличия сначала про погоду спросил. Или про картошку. А то сразу с коровы начинаешь.

— А чего про картошку? Ты и без меня знаешь, как её окучивать. А вот про корову — дело тонкое. Тут нюх нужен. — Слушай, Макар, — снова тихо сказал он, и в голосе не было привычной хитрости, только простая, чуть неловкая просьба. — Давай после обеда на озеро сходим. А то один хожу — ну никак не могу. Сам знаешь... Один — оно вроде и привычно, а пусто как-то. Мне компания нужна.

Макар прополол большую часть огорода — осталось совсем чуток: пара рядов да уголок у старого забора, где упрямая лебеда всякий раз будто нарочно пробивалась сквозь почву. Но сейчас даже эта малость могла подождать.

Духота стояла такая, что воздух казался густым, как кисель: каждый вдох давался с усилием, а рубашка липла к спине, хоть выжимай. Макар оперся на тяпку, вытер рукавом лоб и посмотрел вдаль — туда, где за полями и перелеском

темнел залив. Вода сейчас манила, как обещание прохлады и тишины.

Он хмыкнул себе под нос, будто спорил с собственной совестью:

— Ну чего ты, совесть, молчишь? Или тоже устала от этой жары?

Михалыч и правда был готов к «мероприятию» заранее — будто не на рыбалку собирался, а на важное государственное дело. Ещё с утра он всё разложил по местам: удочки проверил, крючки поправил, банку с червями поставил в тень, чтобы не перегрелись. А главное — приготовил свою особую воду.

Эту воду он настаивал по собственному рецепту, в который теперь неизменно добавлял щепотку Сахара Партии. С тех пор как Михалыч начал его употреблять, он и правда будто молодел прямо на глазах: спина выпрямилась, шаг стал легче, а в руках появилась та самая упругая сила, какой давно уже не бывало. Правда, сам он сперва и не замечал перемен — думал, это от хорошей погоды да от того, что настроение поднялось. А потом, когда соседи начали подмечать: «Михалыч, да у тебя волосы-то гуще стали!» — он и сам глянул в старое зеркало над умывальником и ахнул.

С тех пор стал скрывать это чудо: новые, неожиданно густые волосы прятал под фуражкой, а про Сахар Партии больше никому не рассказывал. Пусть думают, что это от свежего воздуха да от труда. Но про себя знал: стоит добавить в воду

ту самую щепотку — и будто ток по жилам пробегает, и день становится длиннее, и любая дорога — не в тягость.

Сегодня он решил опробовать новую пропорцию: чуть больше Сахара, чуть меньше обычной воды. Налил в термос, встряхнул, принялся, будто по запаху можно было угадать, насколько удачным выйдет день. И улыбнулся — не хитро, как раньше, а спокойно, по-хорошему. Макар переделся в белую майку, а сверху накинул тёмно-коричневую рубашку в квадратик. У Михалыча была похожая, только тёмно-красная — обе брали в одном пункте выдачи, как и шорты с множеством карманов: удобно, когда надо и нож, и наживку, и какую-нибудь мелочь под рукой держать.

Вышли, снаряжённые по-боевому: удочки, сумка с провизией за спиной, термос, коробка с крючками — всё на месте. Шли не спеша, но с той самой собранной уверенностью, с какой идут туда, где точно знают, что будет хорошо. Два мужчины в самом разгаре лет — не мальчишки, но и не старики: силы ещё столько, что хоть огород перекапывай, хоть на холм поднимайся.

Тропа вела вверх, на холм, откуда открывался вид, от которого всякий раз дух захватывало. Внизу лежал залив, тёмный и спокойный, будто хранил в себе все разговоры дня. А дальше, за широкой полосой воды, виднелся Малый остров — и на нём город-столица Алтау. По огромному мосту, что соединял Большой и Малый, тянулся непрерывный поток машин, будто река из железа и света. У причалов стоя-

ли огромные корабли, неторопливые и важные, как старые капитаны.

Макар остановился, оперся на удочку, посмотрел на этот живой, шумный мир и тихо, не поворачиваясь к Михалычу, спросил:

— Расскажи про Борю. Что там вообще произошло?

Макар слушал, не перебивая. Где-то внизу, у залива, тихо плеснула рыба — будто сама природа сказала: «Дальше».

— С писателем Мерсером связался, — повторил Михалыч, будто пробуя слова на вкус, и они ему не нравились. — Ты же знаешь этих писателей: кто с писателем поведётся, тот в беде очнется. Макар не стал говорить, что половина этой истории звучит как пьяный бред, который на утро сам рассказчик не вспомнит. Он просто сел на корягу у воды, подтянул к себе удочку и тихо сказал:

— Помню тот праздник. Ещё думал: вот ведь люди, вместо того чтобы радоваться, друг на друга косятся, будто каждый ждёт, что небо прямо над ним треснет. А когда этот луч по небу пронёсся... Да, тогда всем будто разом дышать труднее стало.

Михалыч кивнул, будто ему важно было услышать, что он не один это видел. Сел напротив, положил рядом сумку, достал ту самую бутылку, посмотрел на неё, будто сам не верил, что пьёт из неё, и снова спрятал.

— Все тогда с ума посходили, — продолжил он чуть тише, чтобы даже ветер не унёс эти слова далеко. — «Несите

заначки в банки, там надёжно!» — кричали. А я только об одном и думал: найти Сахар Партии. Не ради силы, не ради волос этих дурацких... Просто он был как якорь. Если я его найду — значит, мир ещё держится, значит, не всё рассыпалось. И нашёл. Прямо на песке, будто кто-то специально оставил. — А девчонка эта... с огнём... Может, она и правда была. А может, это сам страх так выглядел. Когда всё рушится, страх всегда выбирает самое страшное лицо.

Михалыч посмотрел на него долго, внимательно, будто впервые услышал не упрёк и не насмешку, а что-то, от чего можно было немного выдохнуть.

— Спасибо, что не говоришь «выдумал», — пробормотал он.

Михалыч сделал ещё глоток из своей бутылки, будто хотел этим глотком удержать мир на месте, и вдруг замер. В небе шёл самолёт — обычное дело, над заливом они то и дело пролетали, тянулись к столице или уходили дальше, за острова. Но сейчас Михалыч видел не просто жестяную птицу в вышине. Он видел людей внутри: как они сидят в креслах, кто-то смотрит в иллюминатор, кто-то листает журнал, кто-то дремлет, привалившись к плечу соседа. Он даже разглядел бортовой номер — чёткий, будто кто-то поднёс его вплотную к глазам.

Михалыч резко протёр глаза, будто смахнул с ресниц налипшую пыль. Посмотрел снова. Самолёт летел как положено — ровно, спокойно, без чудес. Но в глазах у него ещё

мелькнула та самая странная искра, будто небо на миг открылось лишнюю дверь, а потом тут же её захлопнуло.

Он тихо охнул, пошатнулся и опустился на старый пенёк у воды. Пень был выдавший вида, потемневший от дождей, и, честно говоря, его и правда многие обходили стороной по вполне понятным причинам — но сейчас Михалычу было не до брезгливости. Хотелось просто посидеть, чтобы почва под ногами была твёрдой и настоящей.

— Михалыч, ты чего там глазе терешь? Пошли к заливу, чуток осталось!

А Михалыч всё тыкал пальцем в небо и вдруг сунул Макару свой бинокль:

— Смотри! На бортовой номер смотри!

Макар хмыкнул, приложил бинокль к глазам, покрутил колёсико, чтобы резкость поймать. Самолёт шёл ровно, крылья чуть поблескивали на звезду, а на хвосте и правда чётко виднелся бортовой номер — такой, что хоть в блокнот переписывай.

— Ну, вижу номер, — буркнул Макар, опустил бинокль и глянул на Михалыча уже всерьёз. — Но ты-то его как разглядел? С такого расстояния... Да ещё и без оптики, ты чо Михалыч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.